

© 2017 г. М. С. Ястребов-Пестрицкий
г. Москва, Россия

РАЗНОСТИЛЕВАЯ ЛЕКСИКА «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КАМЧАТКЕ» И. СЕЛЬВИНСКОГО

Аннотация: В статье исследуется поэтический очерк «Путешествие по Камчатке» русского поэта И. Сельвинского, который ранее не рассматривался с точки зрения лексического состава и стилистики текста. В объеме отдельного произведения осуществлен поиск внутренних закономерностей художественного мира автора, обследованы и систематизированы по различным параметрам метафорические единицы, выявлены особенности метафорического строя позволившие реконструировать фрагмент языковой картины мира И. Сельвинского. Художественное мышление поэта, как пример принципов художественного мышления советской интеллигенции 30-х гг. XX в. с их идеологическими и эстетическими предпочтениями, открывается в смешанной стилевой манере, при которой сниженный стиль сопутствует высокому. В стихах поэта-публициста причудливо переплетаются мотивы высокопарного с агитационным, нейтрально-межстилевого с книжным и разговорным. В рамках сниженного стиля, т. е. разговорного во всех его подстилевых разновидностях, автор демонстрирует колоссальное богатство как обычных номинационно-констатирующих, так и оценочно-экспрессивных метафорических единиц вкрапленных в контекст художественного произведения. Выделяется социально-речевая стилизация, ориентированная на язык определенной социальной среды, эстетически обусловленная прагматичность, образность, эмоциональность и экспрессивность. Экспрессивная функция метафоры «Путешествия...» определена нами как ведущая, инвариантная.

Ключевые слова: метафорическое поле, экспрессивная функция, жанрово-стилевая специфика, прототипический эффект, эстетическое воздействие, фрагмент идиостиля в лингвопоэтике.

Информация об авторе: Михаил Сергеевич Ястребов-Пестрицкий — ведущий специалист, Государственный архив Российской Федерации, ул. Большая Пироговская, д. 17, 119435 г. Москва, Россия. E-mail: мур-63@mail.ru

Дата поступления статьи: 27.10.2016

Дата публикации: 15.06.2017

По нашему мнению, исследование метафоры И. Сельвинского без включения такого аспекта, как телеологический (греч. *τέλος* «цель»), т. е. функционально-стилистический, было бы неполным. Представляется обоснованной классификация метафорического корпуса «по цели» и его последующее описание в русле лингвостилистики

ческого анализа, тем более что система параметров классификации метафорического поля до сих пор окончательно не разработана (см. об этом подробно: [6, с. 151–154]).

Объектом нашего исследования является конкретный поэтический дискурс, в центре внимания оказывается не метафора вообще, а речевая, художественная, точнее, поэтическая метафора И. Сельвинского. Поэтому система параметров функционально-стилистической классификации художественной метафоры может быть уточнена на основании аналитических данных эмпирического материала.

За исходное положение следует принять точку зрения В. П. Москвина с поправкой на жанрово-стилевую специфику исследуемой метафоры. Как следствие, уже на подступах к реализации идеи ставим проблему системности метафоры Сельвинского на уровне функционально-стилистической стратификации и заявляем об экспрессивной функции метафоры «Путешествия...» как ведущей, инвариантной. Вряд ли есть смысл говорить о чисто номинативной функции метафоры в поэтическом произведении, поскольку основное предназначение метафорической единицы поэта — это образность с разной степенью коннотации, оценочности и экспрессии, даже если мы имеем дело с когнитивной экспликацией (в духе Лакоффа/Джонсона): «*география — миф*»; «*Камчатка — лиловый гранитный факт*». Мы наблюдаем движение по линии «абстракция — абстракция», «физический мир — абстракция» и т. п., где задействованы модели «имя — имя», где на первый взгляд реализуется принцип сухой номинации, но на самом деле превалирует принцип образной категоризации, «стремление субъекта к конкретно-чувственному, другими словами — эмпирическому, представлению некоторого абстрактного признака» [4, с. 187]. Так, научное понятие «*география*» в авторском контексте сталкивается с культурным концептом «*миф*», который ассоциируется с чем-то нереальным, выдуманным, ложным. В результате получаем на уровне конечного смысла: метафора мифа реализует прототипический эффект, заключающийся в представлении признака («нереальный, выдуманный, ложный») через абстрактное понятие «*миф*». Иными словами, в концептуальной метафоре именного типа определенный предмет квалифицируется через другой предмет с опорой на его свойства, социальные оценки. А в примере «*Камчатка — лиловый гранитный факт*», лексема «*факт*» (имеющая одно из значений «реальность, действительность» [9, т. IV, с. 548]) реализует метафорическое значение, будучи в предикативной позиции и вкупе с синтагматическим окружением. У самого этого существительного, очевидно, нулевая экспрессивность (идентифицирующе-констатирующая функция), однако ряд зависимых эпитетов при нем создают оценочно-экспрессивный фон.

В свое время Р. А. Будагов сформулировал подобную ситуацию с образными средствами языка следующим образом: «Дело не в том, насколько те или иные средства языка “неповторимы”. Таких “неповторимых” стилистических ресурсов в языке нет или почти нет. Проблема, однако, заключается в том, каковы функции выразительных средств языка в том или ином языковом стиле» [3, с. 26–31]. Когда речь заходит о языке художественной литературы, и, в частности, о ее поэтической разновидности, то, соответственно, и метафору именуют художественной, поэтической. Как сможем убедиться, функционально-стилистическая палитра метафоры И. Сельвинского имеет свою специфичность и разветвленную многоуровневую классификационную сетку.

Стоявший у истоков лингвистического анализа поэтического текста Л. В. Щерба, как известно, анализировал тексты, основываясь на разыскании «тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов языка произведения в их теснейшей связи с особенностями содержания и идеи текста» [11, с. 11].

Такие «смысловые нюансы» особо заметно способствуют реконструкции фрагмента идиостиля в лингвопоэтике соответствующего периода творческой деятельности И. Сельвинского: их функция, во многом декоративная, заключается в создании художественного образа. Как считают специалисты, «деривационная поддержка образа разрушается по мере освоения производного слова лексической системой языка: если метафора “действительно вызывается потребностью, то вновь приобретенный смысл быстро становится буквальным”» [2 с. 159].

Современник И. Л. Сельвинского Н. Н. Асеев писал: «В чем же неожиданность и новизна поэзии? В открытии новых смысловых реальных понятий» [1, с. 45]. Н. Н. Асеев говорит о том, что соотношения эти воспринимаются в первый момент как неоправданные, непривычные в своей **контрастности** и «необжитости», приводя примеры таких неожиданных соотношений смысла, сначала кажущегося «неукладываемым» в обычные мерки восприятия: «Рабочий на суде, описывая в качестве свидетеля происходившую пьяную драку, ответил судье: “Когда я прибежал, они уже табуретки *листают!*” Вот это непривычное соединение слов сразу создало картину полной потери представления о действительности у дерущихся. Если они тяжелые табуретки *листами*, как рука страницы или как ветер взметает листья, то ясно стало и судье, и публике, что драка была вызвана опьянением ее участников. Эта неожиданность выразительности слов, заменяющая собой всякий длинный способ описания событий, и есть поэзия» [1, с. 45–46]. Проникновение в художественную речь элементов просторечия, диалектизм, архаизмов, возможность мотивированного введения в художественное произведение контекстных (предназначенных только для данного случая) неологизмов (контекстно обусловленных окказионализмов) делают эту разновидность языка совершенно особенной в речевом отношении.

Рассмотрим строки из «Путешествия...» И. Сельвинского:

Вся непобедимая золотая гвардия,
Все кирасиры эстрадных битв —
Все это струсило, **смылось**¹ [8, с. 11].

Здесь И. Сельвинским употреблен просторечный глагол «*смылось*». В Словаре Д. Н. Ушакова читаем его дефиницию: «2. *перен.* Исчезнуть, быстро и незаметно удалиться, уйти (*просторечн. вульг.*)» [10, т. 4, с. 286]. Именно в таком значении данное слово и употреблено. В контексте произведения видно стремление автора показать свое настроение и свое отношение к части своего творческого багажа.

Вот как в следующем двустишии И. Сельвинский использует просторечную лексику:

Они прошибали запах сивухи,
Все эти паузы, синкопы, ключи... [8, с. 12].

А так — при передаче разнообразных чувств и эмоций поэта во время встречи с жителями полуострова:

Чхать им тогда на мою палитру — разочарование;
И где-то под ложечкой пели ручьи — радость;
Такое из сердца литье — ликование и др. [8, с. 12].

¹ Здесь и далее в работе выделения в цитатах – наши (М.С. Ястребов-Пестрицкий)

В жаргоне семантическое переосмысление чаще всего обусловлено нежеланием, т. е. запретом использовать то или иное слово по причине его понятности; в отличие от профессиональных диалектов, где метафоризация является основным способом словообразования, семантическое переосмысление в сленге обусловлено обычно стремлением к конкретности и к многообразию выражения [5, с. 19].

Но где, когда, какой аферист,
Меняющий на галопы рысь
И переходящий в карьер напоследок,
Таскал за собою деток? [8, с. 18].

В этих строчках И. Сельвинский пейоративно-метафорически использует конно-спортивное аргю, чтобы подчеркнуть высокий темп описываемого действия, экспрессию в ее предельных значениях.

Еще примеры из «Путешествия по Камчатке»:

«**Прут** сюда люди за “**длинным рублем**”», —
Только и звону: рублики [8, с. 10].

Или:

Я, вишь, работаю на «**молю**»,
Вот по сих пор в воде.
В месяц тышшу рублей **намелю**.
Ну, а куда их, касатик, деть? [8, с. 19].

Выделенные просторечно-жаргонные слова автор использует с целью отразить речевую стихию камчатского рабочего класса тех лет, окунуться в нее самому и приблизить к ней читателя. («*На «молю»* можно отнести к жаргону лесосплавщиков, исходя из примечания И. Сельвинского, сделанного им к этому слову: *сплав леса*).

Приведем пример эвфемистического мейозиса:

Нет, не она моей музы гордость.
Не из алмазного фонда она [8, с. 12].

Лирический герой через отрицание положительных фактов и оценок дает понять, что он невысокого мнения о данном произведении, которое как раз подходит по ситуации лучше всего для публичного чтения.

Эвфемизация на основе нарочитой неясности [при условии, что она полностью снимается контекстом либо конситуацией (термин В. П. Москвина)] представлена в следующем микротексте, посвященном вулканам Камчатки, которые описываются с помощью метафоры-олицетворения:

Иной, под стать молодым панычам,
Кое-как курится понемногу,
Но по ночам... Увы, по ночам
Они уж давно **ничего** не могут [8, с. 16].

Здесь метафора приравнивает вулканы к мужчинам, а намек на потенцию («по ночам... ничего не могут») дан именно в виде эвфемистической замены, **прономинализации**. Эффект усиливается, кроме того, метафорическим эпитетом-дими́нутивом *старички*:

Рядом с ней храпят **старички**:
«Толбачик», «Шивелуч», «Иван Теодорыч» [8, с. 16].

Еще один пример:

Мне не к лицу быть **старушкой в избушке**,
Но как-то невольно вспомнился Пушкин [8, с. 17].

Здесь поэт нарочито неясно выражается. Неясность снимается конситуацией. Интересный прием, который мы назовем, вслед за В. П. Москвиным, «эвфемистическая зашифровка на основе намеренно неточной речи (перенесение с вида на вид, синекдоха, мейозис)» находит место в исследуемом произведении:

«Ага. Ну, как на Камчатке?»
«Что ж, сынок: **от сумы да тюрьмы...**»
«Плохо?» — «Да уж **не сладко**» [8, с. 19].

В данном фрагменте мы видим эллипсис (незавершенная поговорка, ср. предыдущий прием эвфемизации) и мейозис («не сладко» вместо «плохо»). По сути это узувальные выражения. Однако в стилистике им находится объяснение как специфический стилистический прием, выполняющий совершенно определенную функцию.

В метафорическом поле текста Сельвинского обнаруживаем и такой прием, как использование в качестве эвфемизмов прямого обозначения предмета речи (книжные слова и выражения; иноязычные слова, не освоенные языком):

Так **вырастают** на Дальнем Востоке
Деклассированные слои [8, с. 20].

В данном фрагменте морфологически калькированное заимствование «*деклассированные*» призвано эвфемистически заменить более прямые обозначения: «*никому не нужные*», «*классово чуждые*», «*подлежащие уничтожению*» и т. п. В метафорическом выражении «*вырастают деклассированные слои*» переход значения денотата осуществляется из семантической сферы «люди» — в семантическую сферу «абстракция». Употребленное здесь страдательное причастие — политический термин 1920–1930-х гг. («= не отнесенный ни к какому классу общества»); существительное «слои» — несет значение отвлечения.

Все перечисленные типы переосмысления и их инструментарий, несомненно, способствовали зарождению новой образности в русской поэтической метафоре 30-х гг. XX в. «Выразительность — часто используемый, но не имеющий четкого определения термин, — пишет О. Г. Ревзина, — Выразительность связывают с отступлением от нормы, с выведением языкового знака из автоматизма употребления (то есть

с экспрессивностью)» [7, с. 32]. Из рассмотренных нами примеров следуют выводы о том, что важным свойством метафор И. Сельвинского является относительная свобода варьирования объекта — носителя образности (агента). Свобода эта присуща агенту метафоры как положительно-оценочной, так и, напротив, отрицательно-оценочной.

И. Сельвинский показал себя как мастер парадоксальной метафоры. Приемы опредмечивания абстрактных понятий, эвфемизации и дисфемизации — одни из любимых стилистических приемов в арсенале мастера, в том числе и на уровне метафоры. Эвфемизация представлена в нескольких разновидностях: на основе нарочито двусмысленной речи, на основе нарочитой неясности, эвфемистического эллипсиса, эвфемистического мейозиса.

При дисфемизации (намеренном огрублении речи) лексика сниженного стиля в составе метафоры более всего выражена просторечно-жаргонными словами (социолект), которые автор использует с целью отразить речевую стихию камчатского рабочего класса тех лет, окунуться в нее самому и приблизить к ней читателя, создавая неповторимый узор своего «сельвинского» идиостиля.

Язык автора в его произведении «Путешествие по Камчатке» посредством часто используемых кратких речевых форм, которые и сегодня активно входят в литературный язык, тенденциозно идет на сближение с разговорным языком, языком своего основного носителя — народа. Это несколько не уменьшает нашего уважения к И. Л. Сельвинскому как выдающемуся литератору своей эпохи, преклонения перед его искрометным талантом, интереса к его и по сей день актуальному, не утратившему колоритности, захватывающему творчеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Асеев Н. Н. Зачем и кому нужна поэзия? М.: Сов. писатель, 1961. 216 с.
- 2 Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
- 3 Будагов Р. А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого // Русская речь. 1973. № 1. С. 26–31.
- 4 Киклевич А. К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 444 с.
- 5 Маковский М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). М.: Высшая школа, 1982. 136 с.
- 6 Москвин В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. Изд. 4 е, перераб. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 630 с.
- 7 Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 1998. 86 с.
- 8 Сельвинский И. Л. Путешествие по Камчатке. Поэтический очерк // Сельвинский И. Л. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 4. С. 5–22.
- 9 Словарь русского языка: в 4 т. 80 000 слов. (Малый академический словарь, МАС) / гл. ред. А. П. Евгеньева. Изд. 4-е, стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. IV (С-Я). 797 с.
- 10 Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.; Л.: Сов. энциклопедия; ОГИЗ, 1940. Т. 4. 1502 стб.
- 11 Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. Л.: издательство?, 1971. 64 с. Надо проверить выходные данные книги!

© 2017 г. Mikhail S. Iastrebov-Pestritsky
Moscow, Russia

**THE MIX-STYLED VOCABULARY OF “THE JOURNEY ACROSS KAMCHATKA
PENINSULA” BY I. SELVINSKY**

Abstract: The primary focus is on the poet's work previously unaddressed from the point of view of lexical structure and stylistics of the text. The paper on a single case study basis implements the search of internal laws of the art world impact combining with a survey of previously unexplored volume and various parameters' classification of the author's metaphorical units. Features of the work's metaphorical system were used to reconstruct linguistic fragment of I. Selvinsky's worldview. The principles of creative thinking of Soviet intellectuals of the 30-s, with their ideological and aesthetic preferences, is exemplified by I. Selvinsky's artistic thought which is expressed in symbiosis of reduced and high poetic styles. In the verses of the poet-publicist the motives with high-flown and propagandistic, neutral-mix-style with both printed and spoken are intertwined. Within reduced, i.e. spoken style and all its out-style varieties the author demonstrates tremendous diversity and abundance of normal nomination-summative as well as evaluative-expressive metaphorical units embedded into the context of the artwork. Socio-linguistic pastiche, focused on the language of a particular social environment, stands out just as the aesthetically determined pragmatism, imagery, emotionality and expressiveness do. We define the expressive function of metaphor of “Journey...” as leading and invariant.

Keywords: metaphorical field, expressive function, genre and style specifics, prototypical effect, aesthetic impact, fragment of the idiosyncrasy in linguopoetic.

Information about the author: Mikhail S. Iastrebov-Pestritsky — Leading Specialist, State Archive of the Russian Federation, Bolshaya Pirogovskaya St., 17, 119435 Moscow, Russia. E-mail: myp-63@mail.ru

Received: October 27, 2016

Date of publication: June 15, 2017

REFERENCES

- 1 Aseev N. N. *Zachem i komu nuzhna poeziia?* [Why and who needs poetry?] Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 216 p. (In Russian)
- 2 Blek M. Metafora [Metaphor]. *Teoriia metafor* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 153–172. (In Russian)
- 3 Budagov R. A. Metafora i sravnenie v kontekste khudozhestvennogo tselogo [Metaphor and comparison in the context of artistic whole]. *Russkaia rech'*, 1973, no 1, pp. 26–31. (In Russian)
- 4 Kiklevich A. K. *Dinamicheskaia lingvistika: mezhdu kodom i diskursom* [Dynamic linguistics: between code and discourse]. Khar'kov, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2014. 444 p. (In Russian)
- 5 Makovskii M. M. *Angliiskie sotsial'nye dialekty (ontologiya, struktura, etimologiya)* [English social dialects (ontology, structure, etymology)]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1982. 136 p. (In Russian)

- 6 Moskvin V. P. *Stilistika russkogo iazyka. Teoreticheskii kurs* [Stylistics of the Russian language. Theoretical course]. Ed. 4, revised and enlarged. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2006. 630 p. (In Russian)
- 7 Revzina O. G. *Sistemno-funktional'nyi podkhod v lingvisticheskoi poetike i problemy opisaniia poeticheskogo idiolekta* [Systemic functional approach to linguistic poetics and the problem of describing poetic idiolect]. The dissertation of the doctor of Philology. Moscow, MGU Publ., 1998. 86 p.
- 8 Sel'vinskii I. L. *Puteshestvie po Kamchatke. Poeticheskii ocherk* [Travel in Kamchatka. Poetic sketch]. I. L. Sel'vinskii. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1973, vol. 4, pp. 5–22. (In Russian)
- 9 *Slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* 80 000 slov. (Malyi akademicheskii slovar', MAS) [Dictionary of the Russian language: in 4 vols. 80 000 words. (Small academic dictionary, MAS)], editor in chief A. P. Evgen'eva. Ed. 4, ster. Moscow, Russkii iazyk Publ.; Poligrafresursy Publ., 1999. Vol. IV (S-Ia). 797 p. (In Russian)
- 10 *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of Russian language: in 4 vols.], ed. D. N. Ushakova. Moscow, Leningrad, Sovetskaia entsiklopediia Publ., OGIZ Publ., 1940. Vol. 4. Col. 1502. (In Russian)
- 11 Shcherba L. V. *Opyty lingvisticheskogo tolkovaniia stikhotvorenii* [The experiences of linguistic interpretation of the poems]. Leningrad, 1971. 64 p.